

Вера Вонг

Песнь эльфийки: путь к искуплению

Вера Вонг

**Песнь эльфийки:
путь к искуплению**

«Автор»

2026

Вонг В.

Песнь эльфийки: путь к искуплению / В. Вонг — «Автор», 2026

Князь и маг Данила Алексеев, устав от столичной жизни, уезжает в деревню — и запускает цепь роковых событий. Влюблённость эльфийки Тааны, дуэль с другом Ринатом, проклятие невесты Рината — всё это обрекает Данилу на вечные скитания. Лишь помощь старой ведьмы частично снимает заклятие, но впереди — ещё одно, от отца Тааны. Долгие странствия меняют героя: вернувшись, он по-новому смотрит на преобразившуюся Таану, теперь — невесту наследного принца эльфов. Осознав свои ошибки и поставив счастье любимой выше собственных желаний, Данила постепенно освобождается от проклятия. Судьба вновь сводит его с Тааной и её женихом: тот решает уйти в жрецы Солнца и дарует невесте свободу. Пройдя через вину и потери, Данила и Таана наконец обретают искреннюю любовь.

© Вонг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вера Вонг

Песнь эльфийки: путь к искуплению

Глава 1

Рыбалка, как уверяли древние пергаменты из библиотеки верховных кудесников, способствовала умирению мятежного духа и очищению мыслей. Данила Алексеев, сидевший на полусгнившем бревне у старой мельницы, держался иного мнения: по его глубокому убеждению, рыбалка была изощренной пыткой, придуманной старыми аскетами назло жизнелюбцам. Тонкая льняная леска сплелась в такой замысловатый узел, словно над ней лично потрудились дюжина мелких мороков.

— Превосходно, — пробормотал князь, дергая непокорную нить длинными чуткими пальцами. — Если бы столичный совет плел свои заговоры с таким же усердием, тронная зала давно утонула бы в шерсти.

Воздух над заросшей заводью пах нагретой сосновой корой, тиной и медовой сладостью цветущей таволги. Идиллия казалась почти совершенной, пока короткий сухой свист не вспорол полуденный зной. Что-то тонкое чиркнуло по тулье шляпы, и пышное фазанье перо — гордость лучшего модиста столицы — срезанное под самый корень, плавно спланировало в прибрежную осоку.

Данила замер. Медленно, с той неспешной грацией, которая обычно предвещала шторм на магических дуэлях, он поднял взгляд.

На огромном замшелом колесе мельницы, опасно накренившись над бурлящим желобом, стояла девушка. В ее руках подрагивал изящный лук из лазурного ясеня с тетивой, натянутой до самого ушка стрелы. Оперение оперело воздух легким серебристым звоном. Лесная туника оттенка хвои подчеркивала тонкий стан, из-под каштановых волн волос выглядывали точеные кончики ушей, а ян-

тарно-зеленые глаза метали молнии такой чистоты, что Данила невольно забыл про испорченный головной убор.

— Еще полвершка влево, милсдарь пришлый, и я сниму не перо, а спесь с вашей макушки, — возвестила лучница. Голос ее звенел родниковой водой, в которой растворили добрую каплю полыни. — Вы находитесь на нейтральной меже Златолесья. Здесь запрещено ставить верши, баламутить омут и оскорблять взор почтенных духов нелепыми нарядами.

Данила медленно поднялся, расправляя плечи. Сапфировый магов плащ, пусть и припыленный деревенской дорогой, все еще сидел на нем безупречно. По крайней мере, князь искренне на это надеялся.

— Какая вопиющая несправедливость, сударыня, — заговорил он бархатным придворным тоном, слегка склонив голову. — Я всего лишь искал философского уединения, а нашел стрелу в полудюйме от виска. Неужели законы вольного народа столь суровы к простым почитателям вашей... несравненной флоры?

— Простоту в вас выдает разве что неумение вязать узлы, кудесник, — Таана с легким прищуром оглядела его перепутанную снасть. — Убирайтесь за межевой камень. Левый берег принадлежит тем, кто слушает шелест ивы, а не тем, кто тащит столичную спесь в дикие заросли.

— Ах, жестокое сердце! — Данила шагнул на скользкие мостки, разделявшие берег и мельничный порог. Жест его был выверен годами придворных приемов: правая рука описала изящную дугу, пальцы дрогнули, и в воздухе соткалась крохотная иллюзия — парящая темно-

алая роза, роняющая искры золотистого огня. — Неужели скромное подношение странника не смягчит гнев прекрасной хранительницы...

— Право слово, какая пошлость, — вздохнула эльфийка.

Она спрыгнула с мельничного колеса на перекладину мостика легко, словно ласточка. Нижний конец ее лазурного лука описал короткую дугу и безжалостно поддел подол его роскошного плаща прямо в тот миг, когда Данила занес ногу для завершающего изысканного па.

Ткань натянулась. Сапог соскользнул с осклизлой сосновой доски.

— Берегитесь же... — успел выдохнуть маг.

Мир перевернулся с оглушительным плеском.

Холодная речная вода сомкнулась над головой, смывая и столичный пафос, и остатки гордости. Мельничный омут был глубок, но Данила вынырнул почти сразу — отфыркиваясь, с волосами, облепившими лоб, и со струйками воды, бегущими за ворот шелковой рубахи.

Таана стояла на краю мостика, уперев лук в доски, и ее лицо, прежде столь надменное, дрогнуло. Из груди девушки вырвался серебристый, звонкий смех — такой живой и безудержный, что на ближней березе встрепенулись задремавшие дрозды.

Данила не стал призывать боевые чары. Вместо этого он разжал кулак, вынырнувший вместе с ним из речной глубины, и явил миру сорванную со дна белую кувшинку с каплями тины на лепестках.

— По крайней мере, сударыня, — просипел он сквозь зубы, но с самой широкой и невозмутимой улыбкой, на какую только был способен мокрый чародей, — букет я все-таки добыл. Настоящий. Без всякого обмана.

Эльфийка прикусила губу, пряча смешинки, но в ее ясных глазах на мгновение вспыхнуло неподдельное, веселое изумление.

* * *

В очаге старой усадьбы трещали березовые поленья, наполняя низкую горницу смолистым духом и жаром. Сапфировый плащ, распяленный на деревянных козлах у огня, исходил густым паром, распространяя тяжелый запах мокрого сукна и речной тины. Данила, завернувшись в сухой шерстяной плед, мешал угли железной кочергой, когда тяжелая дубовая дверь распахнулась без стука, впустив сырой сквозняк.

На пороге стоял Ринат. Широкоплечий, с обветренным лицом и короткой полоской старого дуэльного шрама вдоль челюсти, он походил на скалу, которую совершенно напрасно пытались обтесать столичными законами. Ладонь воина привычно и механически лежала на эфесе рапиры, проверяя свободный ход клинка в ножнах.

— Хе! — издал он короткий смешок, оглядывая Данилу с головы до пят. — Великий стихийный кудесник, гроза академических залов, принимает бой от речных русалок? Или тебя стошнило от деревенской тишины прямо в воду?

— Постигал глубину бытия, Ринат, — сухо отозвался Данила, не оборачиваясь. — Тебе бы тоже не помешало.

Остужает пыл.

Воин шагнул к столу и с тяжелым стуком бросил на столешницу пакет плотной гербовой бумаги, запечатанный лиловой восковой печатью с вензелем дома Бренрозов.

— Тебя ищут по всем трактам, Данила. Изольда рвет и мечет. Совет старейшин требует твоего возвращения к исходу луны. Ты думал, сбежишь в этот медвежий угол, снимешь шляпу и станешь пахарем?

Данила выпрямился, и плед соскользнул с одного плеча. На безымянном пальце его правой руки тускло блеснул перстень со светлым мерцающим опалом — семейная реликвия, отзывавшаяся на биение его магии.

— Я никому ничего не обещал, брат, — тихо произнес князь, и бархатный голос потерял привычную легкомысленность. — Этот союз выгоден нашим отцам, но не мне. Я сыт по горло расчетом, где за каждую улыбку требуют плату влиянием.

Ринат помрачнел, подошел ближе и уперся кулаками в край стола. Взгляд его карих глаз стал жестким, почти отцовским.

— Ты ведешь себя как мальчишка. Любовь — это не трофей, который можно завоевать ради забавы, Данила. Если играть чужими судьбами, гордыня сожжет твою душу дотла. Изольда не простит позора. Наш род связан с ее родом обетами чести, а ты прячешься за печкой и кормишь мошек!

— Мое сердце не продается за столичные титулы, — Данила с легким щелчком провернул опаловый перстень на пальце. — Ни ей, ни тебе, ни Совету.

Ринат шумно выдохнул, намереваясь возразить, но его взгляд упал на деревянную лавку у входа. Там, аккуратно уложенное рядом с сухой перевязью, лежало стрекозиное перо с наколечником из лазурной кости — обломок, вытасченный Данилой из полей шляпы.

Лицо воина потемнело. Он медленно протянул руку, коснулся оперения пальцем и резко вскинул голову.

— Эльфы? Ты путаешься с лесным отродьем на пограничье?

— Это просто случайная встреча на реке...

— Ты с ума сошел! — рыкнул Ринат, и клинок в его ножнах звякнул от яростного движения. — Если пограничная стража Элидора решит, что чародей крутится возле их межи со злым умыслом, начнется резня! Держись подальше от реки, Данила. Клянусь, если ты навлечешь войну на этот край ради своей блажи, я сам выволоку тебя в цепях к княжескому суду!

Дверь снова захлопнулась с такой силой, что пламя свечи на столе испуганно припало к фитилю. Данила остался один, глядя на лиловую печать неоткрытого письма.

* * *

Сумерки опускались на вересковую пустошь сиреневым бархатом. Воздух наполнился горьковатым ароматом нагретой земли и влажной прохладой близких болот.

Таана бесшумно ступала по мху, сердясь на самое себя. Легкие сапожки из мягкой оленьей кожи не оставляли следов, но каждый ее шаг казался ей предательством собственной гордости. Зачем она пришла сюда? Чтобы проверить, не утонул ли бестолковый человек? Или чтобы убедиться, что он не побежал жаловаться местным старостам на дерзкую лучницу?

«Право слово, глупость какая», — шепнула она ветру, поправляя ремень лука за плечом.

На выступе серого гранитного валуна, обдуваемый вечерним ветерком, сидел Данила. Он сменил мокрый бархат на простую полотняную рубаху с высоким воротом и темные дорожные штаны. В руках чародей держал пузатую берестяную флягу. Заметив ее приближение — хотя шагов эльфийки не услышала бы и косуля, — он не вскочил и не потянулся к чарам. Он просто подвинулся, освобождая край сухого камня.

— Вы долго, — негромко сказал он. В его голосе не осталось ни капли давешней издевки. — Взвар почти остыл.

Таана остановилась в паре сажений, подозрительно оглядывая его:

— Вы сторожите пустошь, словно сыч на суку, чародей. Не боитесь, что во тьме я приму вас за вепря?

— Вепри не носят с собой мед и душицу, сударыня.

Данила протянул ей флягу, а другой рукой — маленькую, чуть влажную веточку цветущего речного вереска.

Мелкие лиловые колокольчики слабо пахли медом.

Таана помедлила, но взяла флягу. Глоток терпкого, согревающего взвара мягко прокатился по горлу, снимая дневное напряжение. Она не села, но опустила плечи, глядя на то, как первая звезда прорезает темнеющую синеву над верхушками сосен.

— Почему вы уехали из своего города? — спросила она тише, чем хотела. — Те, кто носит перстни такой тонкой работы, обычно не отмывают тину с сапог в деревенских ручьях.

Данила вздохнул, глядя на свои ладони:

— Там слишком много слов, за которыми нет ничего, кроме жажды власти. Все улыбаются, держа кинжал за обшлагом. Я устал дышать ядом придворных балов, Таана. Там нельзя просто... сидеть на камне и смотреть на воду.

Эльфийка слабо качнула головой, перебирая пальцами вересковые цветки.

— В Златолесье не лучше. Золотые чертоги, вечные гимны предкам и закон, запрещающий даже взглянуть за пределы межевой черты. Отец уже выбрал для меня лорда из Первого дома. Он прекрасен, мудр и холоден, как мартовский наст.

Она взглянула на Данилу. В сумерках его серые глаза казались глубокими, как лесные колодцы, и в них не было лукавства. Только усталость скитальца, нашедшего краткий привал. Таана медленно, почти воровским движением спрятала вересковую веточку в широкий расшитый рукав своей туники.

Вдруг воздух над пустошью рассек резкий, металлический клекот.

Высоко в небе, чертя круги на фоне гаснувшей зари, планировала крупная птица с серебристыми перьями на крыльях — сокол-дозорный владыки Элидора. Магический глаз лесных владык искал нарушителей покоя.

Таана вздрогнула. Ее лицо вмиг стало замкнутым и тревожным, ресницы опустились.

— Мне пора. Если отец узнает...

— Я буду здесь завтра, — тихо перебил ее Данила, подавшись вперед.

Она ничего не ответила, лишь скользнула в вересковые заросли, растаяв в набегающей тьме так быстро, словно была лишь игрой речного тумана.

Данила остался сидеть на камне. Ночной ветер охлаждал шею, и когда князь запрокинул голову к чернеющему небу над дальней кромкой своей усадьбы, сердце его сжалось от странного предчувствия: прямо над крышей старого дома, бесшумно рассекая тени тяжелыми крыльями, кружил огромный филин с глазами цвета застывшего янтаря — вестник той, чье письмо так и осталось нераспечатанным на столе.

Глава 2

Первые лучи солнца едва пробились сквозь мутную белизну предрассветного тумана, когда над речным плесом закрипели тяжелые колеса. Карета из темного лакированного ясеня, украшенная серебряным шиповником дома Бренрозов, остановилась у самой кромки росистого клевера. Кони, с белой пеной у удила, беспокойно всхрапывали, чуя близость заповедных эльфийских урочищ.

Данила замер на тропе, ведущей от усадьбы к воде. В руках он держал лишь походный посох из ясеня — простая деревяшка вместо чародейского жезла, но даже она казалась сейчас лишней.

Дверца кареты откинулась. На откидную подножку ступил сапожок из тончайшей замши, и на поляну сошла Изольда. Ее полуночно-синее бархатное платье волочилось по мокрой траве, но холодная хозяйка столичных салонов даже не соизволила приподнять подол. Лицо ее, бледное и точеное, хранило выражение ледяной скуки — той самой, за которой Данила слишком хорошо знал привычку прятать кипящую ненависть. За ее плечом, точно гранитное изваяние, застыл Ринат. На воине был парадный дуэльный жилет из проклепанной кожи поверх багряного шелка, а в опущенной правой руке матово поблескивала обнаженная фамильная рапира.

— Какое трогательное пасторальное зрелище, — раздался размеренный голос Изольды, ровный и звонкий, как лед под лезвием конька. Она неспешно постукивала пальцами в тонких перчатках по бархату своего бедра, отбивая неслышимый, одному ей ведомый ритм. — Наш гордый столичный кудесник, надежда Тайного совета, бегаешь по росе босиком, словно полоумный мельник. Скажите на милость, милейший князь, вы надеялись, что граница затрет ваш позор?

— Изольда, — Данила склонил голову с безупречным изяществом, хотя в горле саднило от сырости. — Дорога из столицы длинна и полна ухабов. Стоило ли портить рессоры ради столь ничтожного повода, как моя скромная особа?

— Повод — это слово чести, данное вашим отцом моему роду, — отрезала она, и пальцы ее на миг замерли. — Альянс расторгнут тайком, посреди ночи, словно вы украли серебряную ложку со стола. И ради чего? Слухи доходят быстро, Данила. Говорят, князь Алексеев прельстился диким лесным подкидышем с острыми ушами.

— Осторожнее со словами, сударыня, — прозвенел изза орешника чистый девичий голос.

Таана шагнула на поляну легко, не потревожив ни единого стебля, но в ее позе звенела натянутая тетива. Пальцы эльфийки лежали на рукояти поясного ножа, а глаза метали искры сквозь нависший туман.

— Право слово, людские обычаи поражают меня своей мелочностью, — заговорила лучница, обращаясь прямо к Изольде. — Если благородному господину тошно от столичной фальши, это не дает вам права гнать за ним псарню до самого Златолесья.

Изольда медленно перевела взгляд на эльфийку, и на ее тонких губах заиграла ядовитая усмешка:

— Надо же. Зверек подал голос. Благодарю за подтверждение, лесная бродяжка.

— Таана, уйди, — негромко, но властно произнес Данила, не оборачиваясь. Это было ошибкой: Ринат, стоявший неподвижно, вдруг шагнул вперед, и земля под его тяжелыми сапогами глухо чавкнула.

— Хватит позорить наш дом! — рявкнул Ринат, и шрам на его челюсти побагровел. — Ты сменял присягу, долг и дружбу на юбку лесной нечисти! Защищайся, Данила.

Кожаная перчатка со свистом рассекла сырой воздух и шлепнулась в грязь прямо перед носками сапог чародея.

Данила посмотрел на перчатку, затем на перекошенное злобой лицо названного брата. Он попытался улыбнуться — той самой привычной, кривой улыбкой, которой отбивался от столичных задир.

— Полно тебе, Ринат. Утро слишком сырое для благородных глупостей. У тебя же жилет парадный, весь в тине будет, потом никакая ведьма не отстирает...

— Замолчи! — с яростным ревом Ринат вскинул рапиру. Сталь хищно взвизгнула, метя прямо в горло чародея, и Даниле пришлось отшатнуться, бросая бесполезный деревянный посох в речной ил.

* * *

Клинок рассек воздух в вершке от подбородка Данилы, срезав прядь темных волос. Ринат наступал тяжело, уверенно, с безжалостным напором человека, уверенного в своей абсолютной правоте. Каждый выпад воина дышал боевой яростью, выверенной годами турниров: обманный замах, резкий укол под ребра, шаг вперед, срезающий путь к отступлению.

— Опомнись! — выдохнул Данила, отступая спиной к обрыву, где плескалась сонная речная вода.

Вместо ответа рапира вспорола ткань его сапфирового плаща на плече. Ринат не фехтовал ради первой крови — он бил наверняка, ослепленный обидой, выжигающей рассудок.

Данила привычным движением крутанул перстень на безымянном пальце. Светлый опал мягко отозвался, наливаясь внутренним серебристым сиянием, и чародей выбросил вперед раскрытую ладонь. Воздух сгустился, запахло грозovým озоном. Он не хотел ра-

нить друга; все, что требовалось, — мягкая дуговая волна, плотный воздушный кулак, который вышибет эфес из напряженных пальцев Рината и собьет его с ног.

Магический контур замкнулся с тихим гулом. Серебристая дуга сорвалась с кончиков пальцев мага, устремляясь навстречу нападающему.

Но Ринат не отступил перед волшебной. Зарывав от бешенства, он вложил весь вес своего тела в отчаянный, смертоносный выпад, наплевав на щит и законы дуэлей.

Сталь столкнулась с плотной массой концентрированного силового плетения. Раздался оглушительный, сухой треск, похожий на удар молнии в вековой дуб. Семейная рапира, не выдержав чудовищного давления двух столкнувшихся сил, разлетелась на куски с хрустальным звоном.

Данила не успел погасить отдачу. Один из зубчатых обломков клинка, подхваченный вихрем разорванного заклятия, метнулся назад и с глухим, чавкающим звуком вошел Ринату под левую ключицу.

Воин поперхнулся воздухом. Его глаза широко раскрылись, в них плеснуло непонимание. Алое пятно расплылось по багряному шелку туники с пугающей, жадной быстротой. Ринат качнулся, ноги его подогнулись, и он тяжело рухнул на колени в речную грязь, зажимая рану слабеющей пятерней.

— Ринат!.. — собственный крик показался Даниле чужим, донесшимся со дна колодца.

Чародей упал на колени рядом с другом, забыв обо всем на свете, и судорожно прижал ладони к его груди, пытаясь склеить разорванную плоть целительным плетением. Но горячая кровь толчками пробивалась сквозь его пальцы, скользкая, густая, пахнущая медью и неизбежностью. Руки Данилы задрожали, магия путалась, рассыпаясь искрами в бессильной панике.

* * *

— Чудовище, — раздался над ним шепот, от которого пожелтела прибрежная трава.

Изольда опустилась на колени по другую сторону от Рината, не заботясь о том, что ее драгоценный бархат впитывает алую грязь. Ее лицо побелело, сделавшись похожим на погребальную маску, но в расширенных зрачках горело чистое, безумное бешенство. Она коснулась

лба хрипящего воина, читая останавливающее кровь заклинание, а затем вскинула глаза на Данилу.

— Ты всегда был трусом, Алексеев. И платить за тебя вечно приходится другим.

Ткань ее платья взметнулась, хотя ветра не было. Из рукавов колдуньи поползли тяжелые, пепельно-серые жгуты моровой магии — родовой порчи Бренрозов, запрещенной указами трех венценосцев. Данила застыл, не в силах оторвать взгляда от слабющего Рината, и этот миг оцепенения решил все.

— Будь же проклят ты и вся твоя порода! — выкрикнула Изольда, и голос ее раскололся на сотни злобных отголосков. — Отныне не будет тебе покоя ни под одной крышей, ни у одного очага! Вечным скитальцем бродить тебе по чужим землям, покуда вина твоя не испепелит твое нутро!

Дымные нити с шипением ударили Данилу в грудь. Жгучая, невыносимая боль прошла ребра, сдавливая легкие ледяным обручем. Он захлебнулся криком, чувствуя, как тьма вгрызается в самую сердцевину его дара. На правой руке опал в перстне издал жалобный стон: светлое сияние камня угасло, и минерал на глазах налился тяжелой, беспросветной чернотой мертвого свинца. Кольцо обожгло палец нестерпимой стужей, якорем повиснув на его воле.

Прежде чем Данила успел подняться, землю сотряс тяжелый гул копыт.

Из тумана, рассекая ветви прибрежных ив, вылетела полудюжина всадников на белоснежных эльфийских скакунах. Серебряные доспехи сияли тусклым блеском, а впереди всех на громадном жеребце возвышался владыка Элидор. Его белоснежные волосы разметались по плечам, а взгляд золотых глаз был тверже могильной плиты.

— Таана! — прогремел голос правителя, подобный раскату весеннего грома.

Эльфийка попыталась вскинуть лук, но тонкая серебристая сеть, брошенная ловкой рукой передового всадника, взвилась в воздух и тяжелыми петлями оплела ее плечи, сбивая на траву. Девушка отчаянно рванулась, выкрикивая имя Данилы, но путы лишь сильнее стянули ее тонкий стан.

Элидор осадил коня, брезгливо окинув взглядом окровавленного Рината, чернеющее проклятие на груди Данилы и колдующую Изольду.

— Людская скверна не коснется моего дома, — владыка сделал властный жест раскрытой ладонью, обрывая любые попытки дочери заговорить. — Ты, смертный червь, проливший кровь своего брата у межи Златолесья, навеки лишаешься права ступить по нашей земле. Переступишь черту — твоя плоть станет пищей для воронов.

— Данила, беги! — сорвавшимся, отчаянным криком крикнула Таана из-под пут, и в голосе ее сквозь слезы звенела мольба.

Со свистом рассекая сырой утренний воздух, первая эльфийская стрела вонзилась в землю у самых сапог чародея. За ней — вторая, срезавшая ветку над его головой.

С задыхающимся от черной боли сердцем, прижимая к груди онемевшую руку с очерневшим перстнем, Данила Алексеев бросился в чащу, спасая свою растоптанную жизнь под свист оперенной смерти. А позади, у самой речной переправы, эльфийские всадники плотным кольцом смыкались вокруг бьющейся в сетях Тааны, отрезая ей всякий путь к спасению.

Глава 3

Болотная жижа чавкала под сапогами с мерзким, чавкающим сладострастием, затягивая Данилу по пояс в черное стылое месиво. Каждый шаг давался с хрустом костей: трясина не просто держала смертное тело — она словно узнавала чужака, пробуя на вкус его столичную спесь и находя ее пресной. Дорогой сапфировый плащ, некогда гордость лучших портных Верхнего Посада, висел на плечах изодранными, пропитанными тиной лохмотьями. Но хуже холодной топи был холод под ребрами. Очерненный опал на пальце стянул кость ледяной хваткой, и от него к самому сердцу тянулись невидимые шипастые плети моровой порчи Бренрозов, выжимая воздух из груди при каждом вдохе.

Данила захлебнулся туманом, кашлянул, пачкая рукав болотной слизью, и попытался схватиться за торчащую из трясины замшелую корягу. Кора под пальцами раскрошилась в труху.

— Предатель... — донеслось из белесого марева.

Звук не имел направления. Он сочился из самой сырости, обтекал уши, вибрировал в затылке знакомой, до боли родной хрипотцой. Из молочной пелены бесшумно вынырнула первая тень. Она не шла по кочкам — скользила над мхом, бесформенная, сотканная из клубящегося пепла, но очертания ее морды пугающе напоминали морду породистого охотничьего пса с оскаленной человеческой пастью.

— Бросил... удрал в кусты, как вор с ярмарки... — просипела вторая тварь, вырастая слева от полусгнившей березы. — А кровь брата смывать не обучен, милсдарь кудесник?

Гончие тоски. Порождения нечистой совести, прикормленные проклятием Изольды. Они не рвали плоть когтями; они кормились тем, что человек сам о себе думал глухой ночью, когда гасли свечи.

Данила судорожно повернул перстень на пальце, пытаясь нащупать привычный жар стихийного огня. Пальцы свело судорогой.

— Огниво... ясное, чистое, пали! — выдохнул он сквозь стиснутые зубы.

Всегда получалось. С семи лет, стоило щелкнуть пальцами, ладонь расцветала послушным золотым бутонem. Но сейчас из кожи брызнуло лишь жалкое облачко рыжих искр. Они зашипели во влажном воздухе и тут же погасли, раздавленные липким, удушливым чувством вины. Перед мысленным взором с беспощадной четкостью встало лицо Рината — побелевшие губы, кровь, хлещущая из-под ключицы, и лопнувшая сталь фамильного клинка. «Это я его убил. Мой щит разбил его меч. Моя трусость привела нас на этот берег».

Магия требовала чистоты помысла и непоколебимой воли. А какая может быть воля у беглеца, чья душа измазана предательством гуще, чем сапоги этой болотной грязью?

Ближайшая гончая метнулась вперед, метя пепельной пастью прямо в горло. Данила не стал звать огонь — он просто выдернул из-за пояса тяжелую стальную рукоять отломанного кинжала, оставшуюся в ножнах после схватки у переправы, и со всего размаха, вкладывая в удар плечо и остатки дворянской злости, обрушил металл на туманную морду.

Тварь взвизгнула голосом раненого пса, рассыпаясь клочьями серой копоти, но отдача едва не сшибла Данилу с шатких, скользких бревен старой гати. Нога соскользнула, колено с хрустом врезалось в просмоленное бревно. Превозмогая дурноту, он на четвереньках пополз вперед, цепляясь ногтями за замшелые жерди.

Впереди сквозь болотную морось проступил силуэт — кривой, нахохлившийся, словно старая ворона на пне. Изба Ядвиги вросла в топь по самые подслеповатые оконца, из щелей крыши, крытой пластами дерна, тонкими струйками сочился сизый чад.

Сзади на гать с глухим рычанием прыгнули сразу три теневого пса. Их когти скребли по мертвому дереву, оставляя дорожки серого инея. Данила дотянулся до нижней ступени крыльца, перевалился через порог и обессиленно прижался щекой к неструганым, пахнущим смолой доскам. Дыхания не было. Черный камень перстня пульсировал, словно нарыв.

Дверь с треском распахнулась сама собой, едва не задев его по затылку.

Из темного нутра избы вырвалась густая, плотная струя едкого, сухого дыма, пахнущего пережженным багульником, горькой полынью и можжевельными ягодами. Дым ударил по призракам, словно кипяток. Гончие тоски взвыли на высокой, тонкой ноте, закружились на месте, лопаая мыльными пузырями, и растворились в предрассветной мгле, оставив после себя лишь душную вонь паленой шерсти.

— Чего разлеся, княжий выкормыш? — проскрипел сверху голос, сухой, как прошлогодний камыш. — Мне тут на пороге мертвецы без надобности, от них потом половицы скрипят пуще прежнего. Заползай, коли не все кишки наружу вытекли.

* * *

В высоких белых чертогах Златолесья тишина звенела тоньше натянутого конского волоса. Здесь не было болотной гари — пахло стылой речной водой, полированным алебастром и тяжелым благоуханием цветущего лунного мака, чей дурман веками охранял покой древней знати.

Таана стояла посреди залы Совета, прямая, как ореховый прут, и тонкая струйка крови из разбитой о серебряные путы губы алела на ее бледном подбородке ярче ягод калины. Ее дорожная туника была разорвана на плече, но во взгляде не было и тени смирения — только бушующее пламя, от которого, казалось, должны были оплавиться даже мраморные колонны.

— Ты не отец мне, владыка, — голос ее звучал отчетливо, без единой дрожи, разносясь под высокими сводами. — Ты тюремщик. Ты выставил заслоны, окружил себя стрелками и думаешь, будто деревянные межи могут удержать то, что живо! Он истекал кровью у реки, его проклинали за то, что он посмел взглянуть на меня, а ты... ты велел стрелять ему в спину!

Элидор медленно поднялся со своего резного трона из белого ясеня. Его серебряно-белые волосы ниспадали на безупречные одежды из слоновой кости, не тронутые ни пылинкой. На лице правителя не дрогнул ни один мускул; лишь палево-золотые глаза на миг сузились, словно он смотрел на заблудшее, неразумное дитя, играющее с кремневым огнем у порохового погреба.

Он выдержал долгую, давящую паузу, прежде чем поднять руку. Властный жест раскрытой ладони отсек ее гневные слова резче, чем клинок палача.

— Ты говоришь на наречии поденщиков, дочь моя, — негромко произнес Элидор, и его раскатистый голос отозвался в плитах пола глухой вибрацией. — Твоя мать... Мириэль... говорила столь же пламенно. В ту самую весну, когда смертные князья поклялись в вечном союзе, а на рассвете подожгли наши заставы ради десяти возов речного жемчуга. Она тоже верила в их «чистые порывы». Мы хоронили ее пепел три луны кряду.

— Данила не такой! — крикнула Таана, и пальцы ее судорожно сжались в кулаки. — Право слово, ты меряешь чужую душу меркой собственной давней обиды! Отпусти меня к меже. Позволь мне узнать, жив ли он!

— Он смертен, Таана, — Элидор шагнул вниз по ступеням помоста, и шелест его шелковых одежд был подобен шороху сухих листьев. — А значит — изменчив, слаб и обречен на тлен. Ты забудешь его через тридцать зим, но грязь его проклятия останется пятном на Первом доме навечно. Я не позволю твоей юности сгореть на костре людского безумия.

Двое жрецов в серых мантиях выступили из ниш, неся бронзовые курильницы. Сизый, сладковато-приторный дым лунного мака пополз по полу, оплетая колени девушки мягкими, усыпляющими кольцами.

Таана качнулась. В голове помутилось, ноги сделались ватными. Задыхаясь от тяжелого дурмана, она сделала вид, что оступается, и упала на колени возле резной скамьи, застеленной расшитыми шелками. Пальцы ее, еще не утратившие ловкости лучницы, скользнули в глубину просторного рукава туники. Там, у самого запястья, грелся крошечный, сухой стебелек речного вереска — тот самый, что Данила сорвал для нее в день их первой встречи на переправе, неловко шутя про болотных лягушек. Быстрым, незаметным движением она протолкнула сухоцвет под край парчовой подушки, вдавив его в деревянную щель остова.

«Только бы не забыть... только бы удержать...»

Элидор приблизился вплотную. В его руке блеснула многогранная хрустальная призма — древний артефакт Первого дома, помнивший еще зарю ушедшей эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.